

О Бальмонтѣ.

Не так давно на страницахъ «Нижегородскаго Листка» г. Максимъ Горькій, говоря о стихотвореніяхъ г. Бальмонта, жаловался, что такимъ знаменитымъ поэтѣ, какъ г. Бальмонтъ, никто не рѣшился поговорить серьезно.

Однако, мнѣ кажется, въ лучшей части нашей журнальной критики г. Бальмонтъ оцененъ по достоинству и вполне правдиво; какъ поэтъ-декадентъ и символистъ,—онъ отличается научными, красивыми, замысловатыми—въ техническомъ отношеніи—построенными строфами, лирическими однако, большею частью, смысла, заключающими скорѣе на звуковой эффектъ; порою вычурность и „оригинальничавье“ становятся прямо несносными и самыя темы—невозможными. Какъ переводчикъ, г. Бальмонтъ иногда очень хорошъ (я напр. „Ченчи“—Шелли), но и тутъ, какъ это мы видимъ въ переводахъ стихотвореній Шелли, къ чистымъ, лирически-возвышеннымъ строфамъ оригинала, въ переводѣ слытъ—нѣтъ да и примѣшивается мутная струя современной «декадентщины», какъ будто г. Бальмонтъ во что бы то ни стало хочетъ друга и современника Байрона присоединить къ своему лагерю.

М. Горькій говоритъ, что „берутъ изъ его неудачныхъ стихотвореній неудачную фразу и думаются грубо, иногда скверно, всегда несправедливо; а нужно уважать человѣка“...

Позвольте, г. Горькій, но нужно же уважать и поэзію, именно «охранять завѣты истинной поэзіи, традиціи Пушкина» или, по крайней мѣрѣ, оберегать литературу отъ вторженія въ нее, подъ именемъ поэзіи, чего то такого, что общаго съ нею имѣетъ весьма и весьма мало; и вы напрасно думаете, что какой-то „...тихий Амстердамъ“ («медленные строки» (?) у Бальмонта) недоступенъ пониманію „литературныхъ будочниковъ“. Вы разумѣете здѣсь, между прочимъ, одного изъ «будочниковъ»—г. Буренина, который дѣйствительно порою слишкомъ зло и строго относится къ современной поэзіи; но въ такомъ случаѣ «литературный будочникъ» не перессидитъ, пустивъ въ одномъ изъ своихъ фельетоновъ въ «Новомъ Времени» превосходную пародію на... „тихий Амстердамъ“.

— «О, Вышній Волочекъ»... и т. д.

Въ самомъ дѣлѣ, читатель, найдите смыслъ въ «Горящихъ зданіяхъ (?)» Прочитайте это стихотвореніе, какъ уже, не помню кѣмъ, неоднократно рекомендовалось,—спереди назадъ, сзади напередъ,—одинаково хорошо—чисто, гладко, звучно, ни сучка, ни задоринки, но гдѣ тутъ смыслъ?

О, тихій Амстердамъ
Съ пѣвчимъ перезвономъ
Старинныхъ колоколенъ!..

Эти три строчки понятны, красивы даже.

Но это дальше:

Зачѣмъ я здѣсь, не тамъ,
Зачѣмъ уйти не воленъ...

Гдѣ «здѣсь—не тамъ»? Куда „уйти не воленъ“?—Можетъ быть отвѣтъ нужно читать черезъ строчку—

Къ твоимъ первоннымъ звонамъ
Къ твоимъ, какъ-бы усталымъ—

Но у этого прилагательнаго такъ и не нашлось въ стихахъ существительнаго, потому что дальше опять идетъ—

Къ твоимъ, какъ-бы затонамъ.

И почему „какъ-бы“, а и не впрямь „затонамъ“? Черезъ нѣсколько строкъ уже и совсѣмъ туманъ непроглядный:

Гдѣ, преданный мечтамъ
Домовъ и колоколенъ,
Какой-то призракъ боленъ,
Упрекъ сдержатъ не воленъ,
Тоскуеть съ долгимъ стономъ?

Это что такое? Мечты домовъ и колоколенъ! Не слыхивалъ! Какой призракъ, чей и почему боленъ, какой упрекъ и кто сдержатъ не воленъ?

Непонятно, непонятно не только „литературнымъ будочникамъ“, но вѣроятно, и намъ съ вами, читатель.

А между тѣмъ г. Горькій говоритъ: „хорошо это, какъ молитва ребенка, мудрый лепетъ чистой души“. Ну, коли это хорошо, такъ что же тогда плохо-то? Что это «лепетъ»—не спорю, но только лепетъ далеко не мудрый.

Нѣтъ, «Вышній Волочекъ» куда остроумнѣе! Если обратиться къ другимъ стих. Бальмонта, то найдемъ такія замѣчательныя строчки:

- 1) Солдаты спятъ. Потухнувшіе взоры
въ предѣлахъ думъ. Снуеть ихъ чередъ.
- 2) «Я хочу кинжалныхъ словъ
и предсмертныхъ восклицаній».
- 3) «О человѣкъ, живи какъ звѣрь, безъ колебаній».

Тутъ уже настолько „мудный“ лепетъ, что въ немъ рѣшительно не разберешься.

Это еще бы ничего. Пусть г. Бальмонтъ и К^о морочатъ русскую публику и даже писателей, благо это иногда и удается, но какъ же уязвлено будетъ сердце интеллигентнаго русскаго читателя, дорожащаго правдой о нашей литера-

турѣ за границей, когда онъ узнаетъ, какія небывавшія преподнесены заграничной публикѣ о текущей русской литературѣ!

Такъ, по словамъ критика „Мира Божія“, на страницахъ англійскаго „Атенеума“ за 1899 г.г. Бальмонтъ „повѣдалъ англичанамъ великую радость, что въ Россіи есть одно только истинно-художественное направленіе—декадентство“.

Въ июльскомъ же (1900 г.) номерѣ того же журнала г. Бальмонтъ «по обыкновенію преподноситъ англичанамъ рядъ откровеній, весьма оригинальныхъ для русскаго читателя». Едва отозвавшись о такихъ писателяхъ, какъ Л.Н. Толстой, Чеховъ, онъ превозноситъ г. Ясинскаго, говоря, что это „авторъ, обладающій богатыми красками и поэтическимъ чутьемъ“; лестно выражается о Мяскомъ и его «Альбъ»; затѣмъ хвалитъ декадентовъ: Брюсова, Балтрушайтиса, Полякова и ихъ книгоиздательство «Скорпионъ».

Ни словомъ не обмолвившись о лучшихъ русскаго журналовъ и газетахъ, г. Бальмонтъ сообщаетъ англійской публикѣ, что «привлекать вниманіе новый журналъ «Вжемѣсячныя сочиненія», издаваемый г. Ясинскимъ—прекраснымъ художникомъ слова». Въ заключеніе своихъ откровеній Бальмонтъ изрекаетъ:

«Къ несчастью, противники всего новаго въ «литературѣ, видающіе смертный грѣхъ въ созданіи новыхъ формъ поэтического творчества, «продолжаютъ быть умственно убогими и встрѣчаютъ вѣчную борьбу идей градомъ нападковъ. «Но молодость должна быть молода, и никакіе «крики не помѣшаютъ намъ праздновать нашъ «поэтический май»...»

Празднуйте сколько угодно, г. Бальмонтъ, но затѣмъ же гдѣую націю вводить въ заблужденіе о состояніи литературы мало знакомаго ей народа? И безъ того-то о насъ въ англійскомъ обществѣ существуетъ невысокое представленіе, а тутъ, пожалуй, подумаютъ, что общественная жизнь наша и показатель ея,—литература,—ужъ совсѣмъ замерла...

Что бы написать о колоссальномъ впечатлѣніи „Воскресенія“, о всероссійскихъ пушкинскихъ празднествахъ, объ А. К. Толстомъ, о новыхъ пьесахъ Чехова, объ юбилеѣ Михайловскаго!..

Тогда, можетъ быть, и намъ не было бы стыдно, да и англійское общество знало бы, что мы еще живемъ, движемся, мыслимъ, что не «фальшиво-декадентскія вирши въ явущихъ мозгахъ» у русскаго писателя, но въ свѣтлыхъ умахъ ихъ—инотрудная, серьезная работа созданія счастья русскаго народа.

Александръ Богодуровъ.